ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСКАЗАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Абдиримова Шайдо Давронбек кизи

Магистрантка 2 курса отдел магистратуры Кокандского государственного университета

Аннотация. В статье исследуются грамматические и функционально-семантические особенности предсказания на материале произведений русской художественной литературы. Рассматриваются способы выражения будущих событий с помощью глагольных форм, модальных конструкций и синтаксических средств. На примере произведений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова выявляются различия между пророчеством, предчувствием, предупреждением и субъективным прогнозом.

Ключевые слова: предсказание, функциональная семантика, будущее время, модальность, аспектуальность, пророчество, предчувствие, условные конструкции, художественный текст, речевая характеристика.

Abstract. The article examines the grammatical and functional-semantic features of prediction based on works of Russian fiction. The ways of expressing future events through verbal forms, modal constructions, and syntactic means are considered. Drawing on the works of A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov, the study identifies the differences between prophecy, premonition, warning, and subjective prediction.

Keywords: prediction, functional semantics, future tense, modality, aspectuality, prophecy, premonition, conditional constructions, literary text, speech characterization.

Annotatsiya. Maqolada rus badiiy adabiyoti asarlari materiali asosida bashoratning grammatik hamda funksional-semantik xususiyatlari tadqiq etiladi. Kelajakdagi voqealarni fe’l shakllari, modal konstruksiyalar va sintaktik vositalar yordamida ifodalash usullari ko‘rib chiqiladi. A.S. Pushkin va M.Yu. Lermontov

asarlari misolida bashorat, oldindan sezish, ogohlantirish va subyektiv prognoz o‘rtasidagi farqlar aniqlanadi.

Kalit so‘zlar: bashorat, funksional semantika, kelasi zamon, modallik, aspektuallik, bashorat qilish, oldindan sezish, shartli konstruksiyalar, badiiy matn, nutqiy xarakteristika

В художественной литературе обращение к будущему редко ограничивается простым сообщением о том, что должно произойти. Персонаж может ожидать встречи, опасаться несчастья, предвидеть последствия чужого поступка или воспринимать случайно услышанные слова как указание на собственную судьбу. Во всех этих случаях будущее ещё не стало действительностью, однако уже влияет на мысли и поведение человека. Именно поэтому предсказание представляет интерес не только как грамматическое явление, но и как способ передачи внутреннего состояния персонажа и его отношения к окружающему миру.

С лингвистической точки зрения предсказание можно определить как высказывание, в котором говорящий представляет определённое событие или состояние как возможное, вероятное либо ожидаемое в будущем. Его существенным признаком является прогностическая направленность. При этом предсказание необходимо отличать от намерения, обещания и обычного сообщения о запланированном действии. Например, фраза «Завтра я уеду» сама по себе не обязательно содержит предсказание: говорящий может сообщать о принятом решении. Однако в высказывании «Ты всё равно уедешь отсюда» уже может выражаться оценка будущего поведения собеседника, основанная на знании его характера или сложившихся обстоятельств. Для исследования подобных различий важны положения функциональной грамматики А.В. Бондарко, согласно которым семантические категории реализуются через взаимодействие языковых средств разных уровней. Применительно к предсказанию это означает, что его содержание нельзя объяснить только формой будущего времени. Необходимо учитывать

модальность высказывания, вид глагола, синтаксические отношения и контекст, в котором произносятся слова.

Одним из наиболее выразительных примеров категорического предсказания является «Песнь о вещем Олеге» А.С. Пушкина. Встреча князя с волхвом строится вокруг вопроса о будущем, причём Олег стремится узнать не столько о предстоящих победах, сколько об обстоятельствах собственной смерти. Ответ кудесника завершается словами: «Но примешь ты смерть от коня своего»

Грамматическим центром высказывания выступает глагол «примешь» – форма будущего простого времени совершенного вида, второго лица единственного числа. Совершенный вид представляет предсказываемое событие как целостное, а форма изъявительного наклонения не содержит грамматически выраженного сомнения. Кудесник не говорит, что князь, возможно, погибнет, и не предлагает несколько вариантов развития событий. Он утверждает неизбежность определённого исхода.

Однако категоричность предсказания не означает его полной определённости. Волхв называет источник будущей гибели, но не объясняет, каким образом конь станет причиной смерти. Именно эта недосказанность имеет принципиальное значение для развития сюжета. Олег понимает предсказание буквально и решает расстаться с конём, рассчитывая таким образом избежать опасности. Между тем дальнейшие события обнаруживают ошибочность его представлений о причинной связи.

В данном случае предсказание обладает своеобразной семантической двойственностью. С одной стороны, оно содержит точное утверждение о будущем событии, с другой – допускает неправильное истолкование обстоятельств его осуществления. Для читателя эта неопределённость становится источником напряжения, поскольку ожидаемая развязка постоянно соотносится с ранее произнесёнными словами.

Не менее важен порядок слов. В сочетании «примешь ты смерть» сказуемое предшествует подлежащему, благодаря чему внимание сосредоточивается прежде всего на самом предсказываемом действии. Завершающее сочетание «от коня своего» приобретает особую смысловую нагрузку: привычный образ верного спутника неожиданно связывается с угрозой. Противительный союз «но» усиливает этот контраст, противопоставляя гибель князя предшествующему описанию его силы и военных побед.

Следовательно, предсказание в произведении Пушкина формируется не одной глагольной формой. Его категорический характер поддерживается синтаксическим построением, лексическим значением существительного «смерть» и всей ситуацией общения князя с кудесником.

Иной способ представления будущего наблюдается в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». В части «Княжна Мери» Печорин вспоминает, что в детстве старуха предсказала ему смерть от злой жены. Это воспоминание сопровождается признанием: «Между тем что-то мне говорит, что ее предсказание сбудется».

Здесь будущее событие обозначено глаголом «сбудется», однако семантическая организация высказывания отличается от пушкинского пророчества. Печорин не выступает источником первоначального предсказания. Он передаёт чужие слова и одновременно выражает собственное отношение к ним. Конструкция «что-то мне говорит» указывает на внутреннее ощущение, происхождение которого герой не может объяснить.

Неопределённое местоимение «что-то» особенно существенно для понимания высказывания. Оно не называет конкретный источник знания и не позволяет проверить основания прогноза. Печорин не ссылается на наблюдения, доказательства или закономерности. Его уверенность имеет психологическую природу и связана с воспоминанием, оставившим глубокий след в сознании.

В этом эпизоде необходимо разграничивать предсказание и предчувствие. Первоначальное сообщение старухи имеет характер пророчества, тогда как последующее отношение Печорина к нему представляет собой субъективное ожидание. Герой не столько получает новую информацию о будущем, сколько вновь переживает давно услышанные слова.

Особенно показательно продолжение его размышлений, где он намеревается отдалить осуществление предсказанного. Таким образом, прогнозируемое событие воспринимается им не как совершенно неподвластное человеку. Печорин допускает возможность повлиять на время его наступления.

Здесь обнаруживается важная особенность предсказания в психологической прозе: оно может определять поведение героя задолго до предполагаемого события. Печорин связывает с услышанным в детстве пророчеством собственное отношение к женитьбе. Предсказание становится частью его жизненного опыта, хотя его достоверность остаётся неподтверждённой.

Сопоставление произведений Пушкина и Лермонтова позволяет увидеть различие между внешним и внутренним источниками прогностического значения. В «Песни о вещем Олеге» пророчество произносится другим лицом и воспринимается князем как знание о судьбе. В «Герое нашего времени» чужое предсказание постепенно превращается в личное предчувствие. В первом случае главным становится вопрос о неизбежности события, во втором – о воздействии предполагаемого будущего на психологию человека.

Другую разновидность предсказания представляет реплика Зурина из повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: «Женишься – ни за что пропадешь!»

В отличие от пророчества волхва, это высказывание возникает в обычном разговоре и имеет выраженную эмоциональную окраску. Зурин не

обладает особыми знаниями о будущем Гринёва. Его слова отражают личное отношение к женитьбе и содержат шутливое предостережение.

Грамматическая структура реплики заслуживает отдельного рассмотрения. Перед нами бессоюзное сложное предложение, первая часть которого обозначает условие, а вторая – предполагаемое следствие. Смысл высказывания можно передать конструкцией «Если женишься, то пропадёшь», однако подобное преобразование ослабляет разговорную выразительность оригинала.

Обе глагольные формы относятся к будущему времени совершенного вида. «Женишься» обозначает возможное действие, после которого, согласно представлению говорящего, наступит нежелательный результат. Глагол «пропадёшь» употреблён не в прямом значении физического исчезновения или гибели, а в переносном, эмоционально-оценочном смысле. Зурин преувеличивает последствия женитьбы, представляя её как угрозу привычному образу жизни.

Сочетание «ни за что» усиливает категоричность высказывания. Однако эта категоричность имеет иной характер, чем в пророчестве волхва. Она обусловлена не убеждённостью в неизбежности судьбы, а разговорной экспрессией. Говорящий стремится произвести впечатление на собеседника, выразить несогласие с его решением и одновременно подчеркнуть собственную жизненную позицию.

Показательно, что автор сопровождает реплику указанием на смех Зурина. Эта деталь помогает правильно определить коммуникативный смысл высказывания. Вне контекста слова «Женишься – ни за что пропадешь!» могли бы восприниматься как серьёзное предупреждение. В конкретной ситуации они приобретают оттенок дружеской насмешки.

Таким образом, предсказание может служить средством речевой характеристики персонажа. Зурин представлен человеком, склонным к прямолинейным суждениям и шутливым преувеличениям. Его прогноз

сообщает читателю не столько о будущем Гринёва, сколько о взглядах самого говорящего.

При анализе предсказаний в художественной речи необходимо учитывать и различия между грамматической уверенностью и фактической достоверностью. Категорическое утверждение о будущем далеко не всегда предполагает наличие объективных оснований. В речи персонажа высокая степень уверенности может быть результатом эмоционального состояния, жизненного опыта, предубеждения или стремления воздействовать на собеседника.

Этим объясняется существенная роль модальности в формировании прогностического значения. В русском языке степень уверенности может передаваться словами «вероятно», «возможно», «наверняка», «непременно», «должно быть», а также сочетаниями с модальными глаголами. Однако отсутствие подобных показателей не означает, что высказывание обязательно является достоверным. В художественном тексте категорическая форма нередко используется для передачи субъективного убеждения героя.

Значение имеет и видовая характеристика глагола. Совершенный вид позволяет представить ожидаемое действие как единичное событие или целостный результат. Это особенно заметно в рассмотренных формах «примешь», «сбудется», «женишься», «пропадёшь». В каждом случае внимание направлено на определённый исход, а не на процесс его достижения.

Вместе с тем прогностическое значение может выражаться формами несовершенного вида, когда говорящего интересует длительность или повторяемость будущего действия. Например, конструкция «Он будет долго вспоминать этот разговор» представляет предполагаемое состояние как протяжённое во времени. Такой пример показывает, что аспектуальность влияет на способ изображения будущего, хотя сама по себе не определяет степень достоверности предсказания.

Необходимо также разграничивать собственно предсказание и художественное предвосхищение. Предсказание обычно представлено в речи персонажа или повествователя как высказывание о будущем. Художественное предвосхищение может возникать и без прямого прогноза – через символическую деталь, повторяющийся образ или композиционное построение произведения. Поэтому не всякий намёк на последующие события следует считать предсказанием в лингвистическом смысле.

Рассмотренные примеры позволяют выделить три различных способа реализации прогностического значения. В «Песни о вещем Олеге» предсказание выражает категорическое пророчество, смысл которого раскрывается в ходе развития сюжета. В «Герое нашего времени» оно связано с внутренним предчувствием и воздействует на психологическое состояние героя. В «Капитанской дочке» предсказание становится частью разговорного взаимодействия и выполняет оценочную функцию.

Различия между этими случаями обусловлены не только грамматическим оформлением, но и коммуникативными условиями. Важно, кто произносит предсказание, кому оно адресовано, на каких основаниях строится и какое значение приобретает в конкретной ситуации.

Проведённый анализ показывает, что предсказание в художественной литературе представляет собой сложное языковое явление, объединяющее временные, модальные и аспектуальные значения. Формы будущего времени создают грамматическую основу прогностического высказывания, однако его конкретный смысл определяется взаимодействием лексики, синтаксиса и контекста.

Важнейшей особенностью художественного предсказания является его способность выходить за пределы простой информации о будущем. Оно может выражать страх, уверенность, сомнение, иронию или стремление изменить поведение другого человека. В одних произведениях предсказание

организует сюжет, в других раскрывает внутренние противоречия персонажа или особенности его речевой манеры.

Следовательно, исследование предсказания требует комплексного подхода, при котором грамматическая характеристика языковых средств дополняется анализом их семантического содержания и коммуникативного назначения. Такой подход позволяет точнее определить место предсказания в системе функционально-семантических явлений русского языка и раскрыть особенности его реализации в художественном тексте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 263 с.

Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Правда, 1969. – Т. 4: Проза. Письма. – С.196–335.

Пушкин А.С. Капитанская дочка // Полное собрание сочинений: в 10 т. – 4-е изд. – Л.: Наука, 1978. – Т. 6: Художественная проза. – С.258–372.

Пушкин А.С. Песнь о вещем Олеге // Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.– Т. 1: Стихотворения 1814–1822. – С.185–188.